Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-62-95
https://elibrary.ru/XDVHTU

© 2023. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Загробный мир в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок»

© 2023. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Otherworld in Dostoevsky's Short Story "Bobok"

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию описания загробного мира в мистическом рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок», впервые опубликованном в 1873 году в авторской рубрике «Дневник писателя» еженедельника «Гражданин» (Достоевский тогда был и автором, и редактором издания). Этот рассказ рассматривается в контексте других текстов этой рубрики и предшествующих высказываний писателя о проблеме посмертия человека.

Особое внимание в статье уделено истолкованию названия рассказа, отсылающего к бобам, которые с глубокой древности во многих культурах имели отношение к миру мертвых. Для этого привлекаются разнообразные источники по теме истории религии, этнографии и фольклора. Также затрагивается тема прохождения мытарств душами умерших в рассказе и неожиданный взгляд на то, какую роль в них играют люди, представленный Достоевским.

Обосновывается, что наиболее очевидный и привлекающий наибольшее внимание исследователей публицистический и сатирический слой рассказа

«Бобок» нисколько не исчерпывает замысла автора и совсем не определяет глубину его произведения.

Ключевые слова: «Бобок», «Дневник писателя», видение, загробный мир, мытарства, Эккартсгаузен, Лукиан, диалоги мертвых, бобы, горох, Пифагор, посмертие, потустороннее, мистика, нечистая сила.

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Загробный мир в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 62–95. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-62-95

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the description of the otherworld in Fyodor Dostoevsky’s mystical story “Bobok,” first published in 1873 in the author’s column *A Writer’s Diary* of the weekly *Grazhdanin* (Dostoevsky was at the time both author and editor of the magazine.) The short story is considered in the context of other texts of the column and the writer’s previous statements about the problem of human afterlife.

Special attention is paid in the article to the interpretation of the title of the story, with its reference to beans, which have been related to the world of the dead in many cultures since ancient times. For this reason, various sources on the history of religion, ethnography and folklore are considered. The article also deals with the theme of the dead souls’ passing through aerial toll houses in the story and the unexpected role people play in this passage according to Dostoevsky.

It is proved that the most obvious and attention-grabbing journalistic and satirical layer of the story “Bobok” does not exhaust the author’s intention at all, and it is not able to determine the depth of this work.

Keywords: “Bobok,” *A Writer’s Diary*, vision, otherworld, Aerial toll houses, Eckartshausen, Lucian, dialogues of the dead, beans, peas, Pythagoras, afterlife, afterworld, mysticism, evil spirits.

For citation: Podosokorsky, N.N. “The Otherworld in Dostoevsky’s Short Story ‘Bobok’.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 62–95. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-62-95

Рассказ «Бобок», впервые опубликованный в 1873 году в авторской рубрике «Дневник писателя» еженедельника «Гражданин» (Достоевский тогда был и автором, и редактором издания), можно отнести к самым таинственным текстам Ф.М. Достоевского. Что такое «бобок»? Каковы основные идеи рассказа? В чем состоит «тай-

на, неизвестная смертному», существование которой ощущает на кладбище литератор-визионер Иван Иваныч, наблюдающий диалог разлагающихся мертвецов? Все эти вопросы с неизбежностью встают перед любым вдумчивым читателем и исследователем этого текста.

Начиная вести рубрику «Дневник писателя», Достоевский вовсе не хотел создавать некие вычурные сатирические мистификации ради одной только интеллектуальной игры и публицистической полемики, или напускать плотный, непроницаемый туман при освещении актуальных литературных и жгучих социальных вопросов своего времени. Напротив, его главной задачей было ясное и откровенное напоминание обществу о позабытом и затемненном идеале жизни в Боге, отвергаемом большинством тогдашней интеллигенции из соображений прогрессизма, нигилизма и позитивизма. За всеми этими «измами», в конечном счете, стоял один основной — атеизм, адепты которого поднимали на щит идеи утверждения социальной справедливости, отстаивания прав личности и завоевания политических свобод, и, как правило, отвергали при этом бессмертие души, существование загробного мира и безусловность нравственных оснований в человеке.

Собственно эта рубрика и начинается с размышлений писателя о том, что «не понимать религии» и «не понимать искусства» стало теперь слишком модно, так что тот, кто «в наше время задумывается» и стремится «учиться и понимать», а особенно тот, кто «объявит об этом искренно» и «заявит, что уже капельку понял и желает высказать свою мысль», — тот «немедленно всеми оставляется» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 7].

Характерно воспоминание Достоевского о выдающемся критике и властителе дум сороковых годов В.Г. Белинском (1811–1848), который и ему самому во многом открыл дорогу в большую литературу: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей. Интернационалка в одном из своих воззваний, года два тому назад, начала прямо с знаменательного заявления: “Мы прежде всего общество атеистическое”, то есть начала с самой сути дела; тем же начал и Белинский. Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную “гармонию”, в которой бы можно было ужиться человеку.

Он знал, что основа всему — начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 10].

За более чем четверть века, прошедшие после этих разговоров Достоевского с Белинским, к началу 1870-х годов подобные убеждения среди прогрессивных российских публицистов, критиков и прочих интеллектуалов стали едва ли не господствующими. Полемикой писателя с ними пронизаны романы «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1872) и, в том числе, рассказ «Бобок» (1873).

Россия того времени, с учетом выше сказанного, представлялась Достоевскому «какой-то трясиной, болотом, на котором кто-то затеял построить дворец. Снаружи почва как бы и твердая, гладкая, а между тем это нечто вроде поверхности какого-нибудь **горохового киселя**, ступите — и так и скользнете вниз, в самую бездну» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 19]. Тут мы начинаем приближаться к бездне *бобка*, обнажающей духовную бедность и нравственную нищету человека Нового времени. Вспомним, что герой «Преступления и наказания» Родион Раскольников, помогающий семейству Мармеладовых из последних денежных средств, чтобы они не остались «на бобах» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25], так описывал созревание своей идеи об убийстве старухи-процентщицы: «Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... **о царе Горохе**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6].

Этнограф А. Терещенко в труде «Быт русского народа» (1848) поясняет, что понятие «царь горох» (или «царь боб») связано с особым обрядовым праздником. В этот день в народе было принято подавать первое блюдо с бобами (или с горохом), которые были наиболее доступны самым бедным, и долгое время заменяли зерновой хлеб[1]. Тот, кто первый получал это блюдо из бобов, — и назывался «царь боб» (или «царь горох») [Терещенко, 1848, с. 18].

[1] «Видению» Ивана Иваныча в «Бобке» предшествует то, что он скидывает

Этот обряд существовал еще в древние языческие времена, о чем пишет О.М. Фрейденберг. «Бобы метафоризировались как смерть; поэтому у целого ряда племен, поздней — государств, их не ели, и они оставались только объектом культа. Так как смерть представлялась воскресением, спасением и исцелением, то и бобы служили спасительным средством; в то же время с ними было связано “безумие” и “глупость” <...> Бобы и горох — заместители козлов отпущения; праздник бобов представлял собой один из архаичных вариантов Сатурналий; бобовый царь получал царство в акте еды пирога с бобом и одновременно он оказывался мужем бобовой царицы. Обычное олицетворение боба — это или король или шут. Как персонификация еды, глупости и смерти, фарсовые шуты получили название, с одной стороны, по похлебке-каше, с другой — по стручковым плодам» [Фрейденберг, 1997, с. 159].

В Древней Греции каждый, кто проходил Элевсинские мистерии[2], должен был воздерживаться от бобов, поскольку бобы были дарами бога подземного царства мертвых Аида. Венгерско-швейцарский религиовед К. Кереньи так излагает связанный с эти миф: «Когда Персефона пребывала в подземном мире, и Деметра не могла видеть ее, земле не разрешалось плодоносить. То, что бобы — подарок подземного мира — все же вырастали, еще сильнее озлобляло ее. Вероятно, именно это имеет в виду Павсаний в своем описании Священной дороги, когда говорит (I, 37,4): “Около этой дороги выстроен небольшой храм, так называемый храм Киамита (Бобового). Я не могу точно объяснить, стал ли этот человек первым сеять бобы или это прозвище приписано какому-либо герою, как их родоначальнику, так как открытие бобов нельзя приписать Деметре: тот, кто уже знаком с Элевсинскими таинствами или читал так называемые орфические гимны, знает, о чем я говорю” [перевод

с могильной плиты недоеденный бутерброд на землю, уверяя себя, что это «не хлеб, а бутерброд», но что, «впрочем, на землю хлеб крошить, кажется, не грешно; это на пол грешно» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44].

2 Об Элевсинских мистериях в романе «Братья Карамазовы» писала Т.А. Касаткина. По ее мнению, «полное осуществление обещаний Элевсиний для Достоевского произошло во Христе, сходящем в поэме Ивана так же, как некогда Мать-Земля, к страдающему в унижении уединения человечеству. Иисус для Достоевского — синтетический организм человечества, но организм не совсем обычный, соединяющий в едином теле не разные члены — а разные лица, разные личностные центры; объединивший все лица человечества, не утратившие своей уникальности, полностью открытые для трансляции и получения общего опыта. Иисус — может быть, единственное в истории, но несомненное явление человека не в виде зерна, а в виде колоса» [Касаткина, 2019, с. 84].

С.П. Кондратьева]. Киамитом, вероятно, называли Аида» [Кереньи, 2000, с. 205].

В Древнем Риме чтобы выгнать лемуров (голодных неупокоенных духов) из дома, «глава семьи должен был, встав ночью и трижды омыв руки, взять в рот чёрные бобы и, не оборачиваясь, бросать их через плечо, девять раз повторяя, что этими бобами он искупает себя и своих близких; затем, ударяя в медный таз, девять раз призвать призрак удалиться из дома» [Мифы народов мира, 2000, т. 2, с. 48]. Этот обряд, в частности, описан у поэта Овидия (43 до н.э. – 17/18 н.э.), который подчеркивал, что он восходит к древнейшим римским временам [Зелинский, 2016, с. 349]. Обычно такие экзорцизмы совершали в специальные дни, посвященные мертвым (Лемурии) — 9, 11 и 13 мая [Циркин, 2000, с. 460][3].

Бобы были связаны с мертвыми и во многих славянских культурах: «Сербы в поминальные дни бросали бобы “душам”, чтобы, накормив их, отогнать от жилища, что связано с древними индоевропейскими представлениями о бобах и фасоли как о пище мертвых. В Закарпатье записан рассказ о ночном посещении мертвых родителей, которые варят *бобэ́* и *фасо́л*; в горных районах Польши горшок с бобами ставили в гроб умершему <...>; болгары клали бобовое зерно в рот покойнику, чтобы он не превратился в вампира» [Славянские древности, 1995–2012, т. 1, с. 201].

Кроме того, на бобах издавна ворожили, на что, в частности, справедливо указывает В.П. Владимирцев в своей статье о «Бобке». «Ворожба, гадание, как известно, сродни колдовству, волхвованию, чаромутию (магии), область тайного и таинственного, вторжение в стихию нечисти, потусторонности. Само слово “ворожить” происходит от “ворог”, “враг”, а это, по данным языка и этнографии, одно из наименований нечистой силы. Гадание предполагает тесную связь явлений природы (бобы из этого ряда) с судьбой человека и участие в этой судьбе духов и душ умерших; гадательные обряды и слова (тот же “бобок”) способны открывать и распознавать тайный смысл подаваемых из “иных миров” знаков. Раскидывание, бросание бобовых зерен (“Кинь бобами, будет ли за нами?”), угадывание по их

[3] Ж. Дюмезиль, впрочем, поясняет, что «эти майские лемуры не отождествляются со злыми духами (laruae), которые в любое время года приходят не навещать, а мучить живых людей, и о которых персонажи Плавта говорят с неприязнью. Они могут проникнуть даже внутрь человека, и это имеет неблагоприятные последствия для его ума, рассудка» [Дюмезиль, 2018, с. 493].

символическому виду и расположению судьбоносных знаков и синхронное речевое действие (наподобие троично построенного присловья: "Бобок, бобок, бобок!" в рассказе Достоевского) — бывший в широком употреблении в Европе и России магический гадательный обряд» [Владимирцев, 2008, с. 33], — отмечает исследователь.

В Библии за чечевичную похлебку (а чечевица, как и горох, относится к бобовым культурам) продал свое первородство брату-близнецу изголодавшийся Исав. Аристотель в сочинении «О пифагорейцах» писал, что мудрый Пифагор особо предписывал своим ученикам «воздерживаться от бобов[4] — то ли потому, что они похожи на срамные члены, то ли потому, что на врата Аида (ведь это единственное растение без сочленений), то ли потому, что они пагубны, то ли потому, что похожи на Вселенную, то ли потому, что имеют олигархический смысл (ведь ими проводят жеребьевку)» [Афонасин, 2017, с. 34].

При помощи волшебных бобов герой английской народной сказки «Джек и бобовый стебель», впервые напечатанной в начале XIX века, попадает на небо, в обитель великанов [Английские народные сказки, 1957, с. 85–92]. В «Русских сказках» (1832) В.И. Даля «как Царя Гороха» поминали черта-послушника Сидора Поликарповича [Даль, 1832, с. 197], который был отправлен сатаной на землю, чтобы сбивать с толку людей и выведывать их секреты. Зачастую бобы, бобки (маленькие бобы) и вообще бобовые радикально меняют окружающую человека реальность и могут открывать проход в иное измерение, полное чудовищ.

Рассказ «Бобок» написан в излюбленном писателем жанре «записок одного лица», причем Достоевский специально подчеркивает, что автор записок не он, а «совсем другое лицо» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 41]. Некий неудачливый литератор Иван Иваныч, повести и фельетоны которого не хотят печатать в литературных журналах; человек робкий, редко трезвый, со скверным характером, оказывается сильно огорчен тем, что его считают «близким к помешательству». Он занимается переводами с французского (выпустил уже шесть переводных книг), причем единственный французский автор, которого он упоминает по имени, — это просветитель Вольтер

---

[4] Плиний и Варрон «считают этот пифагорейский запрет весьма древним ритуалом» [Жреческие коллегии, 2001, с. 78]. В Древнем Риме фламин (жрец) Юпитера не должен был даже касаться «собаки, козы, бобов, трупа, т.е. всего, что было связано с миром мертвых» [Жреческие коллегии, 2001, с. 251].

(1694–1778)[5], широко известный своими насмешками над христианской религией и мистикой: «Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь, не пресно ли нашим покажется. Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили!» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 42]. Вопрос о вере Вольтера в Бога несколько раз поднимался также героями романа «Братья Карамазовы». Приведу здесь лишь один характерный обмен репликами по этому поводу, состоявшийся между Колей Красоткиным и Алешей Карамазовым: «<…> можно ведь и не веруя в Бога любить человечество, как вы думаете? Вольтер же не веровал в Бога, а любил человечество? (“Опять, опять!” — подумал он про себя.)

— Вольтер в Бога верил, но, кажется, мало и, кажется, мало любил и человечество, — тихо, сдержанно и совершенно натурально произнес Алеша, как бы разговаривая с себе равным по летам или даже со старшим <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 500]. Сам Вольтер в «Письмах Меммия к Цицерону» (1771) писал относительно идеи бессмертия человеческой души следующее: «Когда от нас остается один лишь тлен, что нам до того, что какой-то атом этого праха перейдет в какую-то тварь, наделенный теми же способностями, какими он пользовался в течение своей прежней жизни? Новая эта личность не будет более мной; этот чужак не больше будет “я”, чем я являюсь вот этой капустой или же дыней, выросшими на земле, в которой меня захоронили. Чтобы мне стать в самом деле бессмертным, мне следует сохранить свои органы, свою память, все мои способности. Вскройте любую могилу, соберите все кости — вы не найдете там ничего, что дало бы вам проблеск подобной надежды» [Вольтер, 1988, с. 496–497].

Связь главного героя «Бобка» с потусторонним миром поначалу намечена лишь в самых общих чертах. Сообщается, что «за панегирик его превосходительству покойному Петру Матвеевичу [он] большой куш хватил» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 42], то есть ему особенно удаются публичные восхваления умерших. Также ему снятся мертвецы, отчего он заглядывает на кладбище в лица покойников «с осторожностью» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43].

На фоне растущего непонимания окружающими его душевных переживаний Иван Иваныч замечает, что с ним, действительно, происходит «что-то странное»: «И характер меняется, и голова болит. Я

[5] О влиянии Вольтера на Достоевского см. следующие новейшие исследования [Магарил-Ильяева, 2021; Подосокорский, 2022, с. 97–101].

начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: “Бобок, бобок, бобок!” Какой такой бобок? Надо развлечься» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43]. Подобным образом герой сказки В. Гауфа «Стинфольская пещера» (1828) рыбак Вильм Ястреб слышал подле себя загадочное слово «Кармилхан», которое связало его алчную душу с нечистой силой. Э.М. Свенцицкая обращает внимание на то, что не только «бобок» является «звеном, соединяющим человека, мир действительный и мир потусторонний», но и сам «герой-повествователь в самом своем естестве есть граница» [Свенцицкая, 2013, с. 124]. Собственно «бобок» в данном случае не отделим от него самого, и, надо полагать, его «видение» имеет самое непосредственное отношение к состоянию его собственной души (недаром он утверждает, что еще навестит мертвецов и «непременно вернется» к ним).

Далее мы узнаем, что жаждущий «развлечься» Иван Иваныч попадает на похороны своего дальнего родственника, коллежского советника, и зачем-то устраивает сам себе странную экскурсию по кладбищу, заглядывая в разные случайные могилки. *Непонятно зачем* он остается на кладбище после похорон родственника, садится на «длинный камень в виде мраморного гроба» и *забывается*. Но здесь у Достоевского, как обычно, граница между сном и явью сильно размывается. Литератор «Бобка» сперва сел, затем забылся, потом прилег и заснул, но, вдруг начав слышать «разные вещи» — «звуки глухие, как будто рты закрыты подушками», сразу же и «очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44].

Заканчивается же его «видение»[6] вовсе не пробуждением (оно-то как раз произошло сразу же, как только он начал слышать голоса), а тем, что он внезапно не удержался и чихнул: «Произошло внезапно и ненамеренно, но эффект вышел поразительный: всё смолкло, точно на кладбище, исчезло, как сон. Настала истинно могильная тишина» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 53][7]. Иначе говоря, герой посеща-

---

[6] Исследователями предпринимались попытки отнести «Бобок» к жанру видения [Гаврилова, 2020, с. 18], однако, у Достоевского это очень специфические «видение», ведь его герой только *слышит* голоса на кладбище, но не видит тех, кто там разговаривает.

[7] К.А. Богданов обратил внимание на то, что во всем тексте Библии чихание упоминается лишь дважды. В одном случае Господь в разговоре с праведным Иовом характеризует таким образом чудовищного «царя над всеми сынами гордости» (Иов 41, 26) Левиафана, от чиханья которого «показывается свет» (Иов 41, 10). В другом библейском тексте упоминается о чихании человека. Речь идет о воскрешении пророком

ет кладбище, которое сравнивает (!) с «кладбищем»; очнувшись же после сна, наблюдает, как «просыпаются» мертвецы; а когда голоса покойников замолкают, то замечает, что видение исчезло «как сон» и только теперь «настала истинно могильная тишина».

Конструируемая рассказчиком двоящаяся реальность утверждается и за счет многочисленных каламбуров, характерных для творчества Достоевского в целом: «“Соли, говорят, у вас нет”. — Какой же тебе соли, — спрашиваю с насмешкою. — аттической?» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 42]; «Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43]; «Вы объявили в червях, я вистую, и вдруг у вас семь в бубнах» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44] — беседуют покойники в могилах; «Нельзя, ваше превосходительство, без гарантии никак нельзя. Надо непременно с болваном, и чтоб была одна темная сдача. — Ну, болвана здесь не достанешь» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44]; «Ну, Боткин кусается» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 48] и т.п. По всей видимости, и слово «бобок», которое поначалу как бы нашептывал герою Ивану Иванычу еще до всякого посещения им кладбища кто-то невидимый, отличается амбивалентностью.

Что такое бобок, становится чуть более понятно из разговора мертвецов. «Льстивый» надворный советник Семен Евсеич Лебезятников витиевато объясняет «негодяю псевдовысшего света», барону Петру Петровичу Клиневичу, как получилось, что они вроде бы умерли, но при этом живы. «Скажите, во-первых (я еще со вчерашнего дня удивляюсь), каким это образом мы здесь говорим? Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим и не движемся? Что за фокусы?» — спрашивает Клиневич. На это он получает следующий ответ: «Это, если б вы пожелали,

---

Елисеем ребенка сонамитянки: «И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои» (4 Цар. 4, 35). Богданов верно указывает на то, «что ребенок сонамитянки чихает до своего очевидного оживления: он уже не мертв, но еще и не жив, а его семикратное чиханье описывается как нечто, что отмечает границу между мертвым и живым, вообще поту- и посюсторонним, божественным и социальным, сакральным и мирским, и вместе с тем указывает на чудесную возможность пересечения самой этой границы. В настоящем случае чудо такого пересечения реализуется как возвращение к жизни» [Богданов, 2001, с. 186]. В «Бобке» чихающий герой одновременно «воскресает» от морока, и в то же время его *гордость* («Я горд» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44], — говорит он о себе сам), которой покровительствует демон Левиафан, остается при нем. Другое известное символическое истолкование чихания, восходящее еще к «Одиссее» Гомера, но широко распространенное во многих культурах, включая русскую, и по сей день, означает, что все, что чиханию предшествовало, является *правдой* [Богданов, 2001, с. 188].

барон, мог бы вам лучше меня Платон Николаевич объяснить. <...> Платон Николаевич, наш доморощенный здешний философ, естественник и магистр. Он несколько философских книжек пустил, но вот три месяца и совсем засыпает, так что уже здесь его невозможно теперь раскачать. Раз в неделю бормочет по нескольку слов, не идущих к делу. <...> Он объясняет всё это самым простым фактом, именно тем, что наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это — не умею вам выразить — продолжается жизнь как бы по инерции. Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: “Бобок, бобок”, — но и в нем, значит, жизнь всё еще теплится незаметною искрой...» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 51].

О ком это говорится? Кто тот, «который почти совсем разложился, но раз недель в шесть» вдруг бормочет «бессмысленное словцо “бобок”»? Не наш ли это гордый и сходящий с ума литератор, который перевел шесть книг с французского? Или же на кладбище, где он до этого не был двадцать пять лет (а там может быть похоронен отнюдь не один его родственник и знакомый), уже давно лежит некто, чье бормотание странным образом достигло его ушей через значительное расстояние?

Что это вообще за сущности, которые одновременно и могут, и не могут говорить и двигаться? Немецкий христианский мистик Карл фон Эккартсгаузен (1752–1803), особенно почитаемый русскими масонами конца XVIII — первой четверти XIX века, в своем труде «Ключ к таинствам натуры» так писал о подобном явлении: «Случается видать на кладбищах такие человеческие фигуры, составляющиеся из частей, по существу еще к телу принадлежащих, которые однако ж не Духи, и не Привидения. Они то, что Древние называли Тенями» [Эккартсгаузен, 1821, с. 108].

Эккартсгаузен пояснял, что не тело и не наш облик делают нас людьми, а только разум и воля: «без разума же и воли человек только зверь, более или менее, смотря по тому, как воля и разум его направлены. Почему есть скоточеловеки и духочеловеки. Скотский человек тот, который водится волею без разума. Духовный тот,

который водится волею по разуму» [Эккартсгаузен, 1821, с. 26]. Примечательно, что герой Достоевского не столько видит происходящее, сколько *слышит* духовным слухом разговор теней, которые, очевидно, принадлежат к «скотолюдям» (по Эккартсгаузену), ибо они рассуждают исключительно о низменных и пошлых вещах, и больше всего мечтают о том, чтобы «обнажиться» и «ничего не стыдиться» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 52].

В романе «Бесы», последние главы которого были опубликованы всего за несколько месяцев до появления «Бобка», один «седой бурбон капитан» восклицает: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 180]. В «Бобке» же герои по привычке тщатся сохранить свои чины после смерти вне зависимости от своих отношений с Богом. «Но далее началась такая катавасия, что я всего и не удержал в памяти, ибо очень многие разом проснулись: проснулся чиновник, из статских советников, и начал с генералом тотчас же и немедленно о проекте новой подкомиссии в министерстве — дел и о вероятном, сопряженном с подкомиссией, перемещении должностных лиц, чем весьма и весьма развлек генерала. Признаюсь, я и сам узнал много нового, так что подивился путям, которыми можно иногда узнавать в сей столице административные новости» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 48].

Все могилы на кладбище, которые видит Иван Иваныч, разделены на три разряда: «Походил по могилкам. Разные разряды. Третий разряд в тридцать рублей: и прилично и не так дорого. Первые два в церкви и под папертью; ну, это кусается. В третьем разряде за этот раз хоронили человек шесть, в том числе генерала и барыню» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43]. Однако некоторые покойники все же сохраняют память о том, что когда-то они являлись «частью целого»:

«— И, во-первых, господа, какой он здесь генерал? Это там он был генерал, а здесь пшик!

— Нет, не пшик... я и здесь...

— Здесь вы сгниете в гробу, и от вас останется шесть медных пуговиц.

— Браво, Клиневич, ха-ха-ха! — заревели голоса.

— Я служил государю моему... я имею шпагу...

— Шпагой вашей мышей колоть, и к тому же вы ее никогда не вынимали.

— Всё равно-с; я составлял часть целого.

— Мало ли какие есть части целого» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 53].

Расположение мертвецов «Бобка» по трем разрядам и их колкие шутки о «частях целого» могут быть соотнесены с распространенным в России гаданием на бобах: бобы, в нем символизировали различные части человеческого тела и были разделены на три линии, в каждой из которых было по три «порядка». Вот как это описано в книге «Сказания русского народа» этнографа-фольклориста И.П. Сахарова (1807–1863): «Ворожейки для этого гадания берут **сорок один** боб и разделяют их, без счету, на три части. <…> …устроивши три линии, в каждой по три порядка, приступают к отгаду на бобах. Второй порядок в первой линии ворожеи называют головою, третий в этой же линии рукою, второй порядок во второй линии сердцем, третий порядок в третьей линии ногою на походе. Голова предвещает: мысли, веселости, быстроту, состояние ученое; рука предзнаменует: богатство, бедность; сердце говорит: печаль или радость; ноги на походе означают: приезд и отправку в путешествие, получение, посылку, исполнение желания. Равное число бобов в порядках означает препятствие к исполнению всех желаний. Ворожеи в этом случае говорят: “Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги в остановке”» [Сахаров, 2013, с. 286–287]. Как замечает Сахаров, ворожеи так разнообразят само гадание, «что посетители всегда изменяют свои намерения. То говорят, что ваши желания в этот день не могут быть разгаданы от возмущения духа, то желания высказываются не от всего сердца, то они не по мысли» [Сахаров, 2013, с. 287].

В рассказе Достоевского число «сорок один» относится к запискам и письмам Ивана Иваныча. В самом начале «не Бог знает какой литератор, чтобы с ума сойти», сообщает: «Ну вот и вся моя литературная деятельность. Разве что безмездно письма по редакциям рассылаю, за моею полною подписью. Всё увещания и советы даю, критикую и путь указую. В одну редакцию на прошлой неделе сороковое письмо за два года послал; четыре рубля на одни почтовые марки истратил. Характер у меня скверен, вот что» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 42]. Очевидно, что *сорок первым* в этом ряду различных увещаний и советов, указующих путь, являются его «Записки одного лица», которые автор в конце рассказа намеревается уже лично «снести в “Гражданин”» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 54]. Из текста Достоевского мы

знаем, что только этот сорок первый «Бобок» и был напечатан. Здесь также важно подчеркнуть, что без сорок первого боба гадание на бобах в принципе невозможно, поскольку их число будет неполным для осуществления ворожбы.

Происходящее в «Бобке» во многом напоминает ситуацию, описанную еще в «Разговорах в царстве мертвых» древнегреческого писателя Лукиана Самосатского (ок. 120 – после 180), который считается основателем соответствующего жанра в мировой литературе. В одном из его диалогов философ Диоген просит Полидевка, как только тот воскреснет и выйдет на землю, встретиться с Мениппом и пригласить его в загробный мир с тем условием, чтобы он захватил с собой чечевицы: «Скажи ему, что тебе, мол, Менипп, советует Диоген, ежели ты уже вдоволь посмеялся над делами земными, отправляться к нам: здесь можно найти еще больше поводов для смеха. На земле тебе мешали смеяться кое-какие сомнения, вроде постоянного: “Кто знает, что будет после смерти”. Здесь же ты беспрестанно и без всякого колебания будешь смеяться, как я вот смеюсь, в особенности когда увидишь богачей, сатрапов и тиранов такими приниженными, такими невзрачными, что их только по стонам и узнать можно, — до того они бессильны и жалки в своей тоске по всему, что́ оставили наверху, на земле. Прибавь еще, чтоб он, уходя, наполнил свой мешок чечевицей, и если найдет на перекрестке угощение Гекаты или яйцо от очистительной жертвы, и это захватил бы с собой» [Лукиан, 1962, с. 144–145]. В другом диалоге умерший Менипп отчитывает своих сомертвецов: «Мало того, что прожили свою жизнь гадко, они еще и после смерти помнят о том, что́ было на земле, и крепко за это держатся. Оттого-то мне и доставляет удовольствие не давать им покоя» [Лукиан, 1962, с. 147].

М.М. Бахтин (1895–1975) отмечал, что «“Бобок” по своей глубине и смелости — одна из величайших мениппей во всей мировой литературе» [Бахтин, 2002, с. 155], и что этот маленький рассказ Достоевского «является почти микрокосмом всего его творчества. Очень многие, и притом важнейшие, идеи, темы и образы его творчества — и предшествующего и последующего — появляются здесь в предельно острой и обнаженной форме» [Бахтин, 2002, с. 162]. В числе источников, которые могли повлиять на формирование этого произведения, Бахтин особенно выделял сатиры Лукиана. Этот «“Вольтер древности” был широко известен в России начиная с XVIII века и вызывал многочисленные подражания» [Бахтин,

2002, с. 160]. Конечно, в случае Достоевского правильнее говорить не о подражании, но об оригинальном обращении к давнему жанру «разговоров в царстве мертвых»[8], через который всегда выражаются проблемы современного автору состояния общества. Однако, как справедливо замечает С.А. Шульц, «острый интерес к злободневному, присущий Лукиану и Достоевскому, нисколько не снижает высокого художественного уровня их произведений» [Шульц, 2013, с. 30].

В одной из сатир «Разговоров в царстве мертвых» Лукиана мы также видим, как Менипп встречает мудреца Пифагора, который разъясняет, что для мертвых бобы уже не опасны, в отличие от живых:

«Пифагор. А покажи-ка, нет ли у тебя в мешке чего-нибудь поесть.

Менипп. Бобы, дорогой мой; тебе этого есть нельзя.

Пифагор. Давай! У мертвых учение другое; я здесь убедился, что бобы и головы предков совсем не одно и то же» [Лукиан, 1962, с. 173].

Итак, Пифагор, которому приписываются слова: «поедать бобы — значит, есть головы предков», у Лукиана сам ест бобы после смерти. Святой Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215), впрочем, полагал, что запрет на поедание бобов был связан с иными вещами: «Говорят, что пифагорейцы воздерживались от половых связей. Мне же кажется, что, напротив, они женились с тем, чтобы родить детей, действительно, воздерживаясь от сексуальных излишеств после этого. Именно поэтому они налагали мистический запрет на употребление в пищу бобов, а вовсе не потому, что бобы вызывают вздутие живота, рвоту и дурные сны, и вовсе не потому, что боб имеет форму человеческой головы, как в следующей строчке: Бобы потреблять все равно, что есть головы своих родителей (Orphica, fr. 291 Kern), — но по причине того, что потребление бобов приводит к женскому бесплодию» [Афонасин, 2017, с. 229].

[8] Достоевский начал работать в этом жанре уже в самом начале своего творчества. Согласно моей гипотезе, в раннем романе писателя «Белые ночи» (1848) главные герои изначально мертвы, и, на самом деле, писатель изобразил отношения двух петербургских призраков [Подосокорский, 2019]. Влиянию жанра «разговоры в царстве мертвых» на рассказ «Бобок» посвящена статья М.Р. Хамитова, который, в числе прочего, обращает внимание на то, что «тема “живых мертвецов” (в том числе и ведущих разговоры), укорененная в русской литературе романтическими и фантастическими произведениями, в 1870-х гг. активно использовалась и фельетонистами» [Хамитов, 2016, с. 34].

Достоевский в «Бобке» вполне следует пифагорейской традиции — в разговорах мертвых, которые записало «одно лицо», есть намеки и на дурной сон, и на сексуальные излишества («Авдотья Игнатьевна, помните, как вы меня, лет пятнадцать назад, когда я еще был четырнадцатилетним пажом, развратили?.. — Ах, это ты, негодяй, ну хоть тебя Бог послал, а то здесь...» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 49]; «Мне... мне давно уже, — залепетал, задыхаясь, старец, — нравилась мечта о блондиночке... лет пятнадцати... и именно при такой обстановке...» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 51]; «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. <...> Проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 52]), и на «бесплодие» в широком смысле: все мертвецы могут только говорить о своих привязанностях и выражать свои желания, но не способны двигаться и делать что-либо реально. Их язык — «прикраса неправды», он «оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны» (Иак 3:6).

Поскольку это слуховое «видение» предстает перед героем после его забытья, полезно справиться о том, как именно сновидения о бобах объяснялись в древних сонниках. Артемидор Далдианский (II в.) в своей «Онейрокритике» так истолковывал приснившиеся бобы: «Бобы молотые и натуральные означают ссору: одни, потому что молотые, а другие, потому что от них бывают дурные ветры; и не только поэтому, а еще и потому, что бобы отлучены от всего праздничного и священного» [Артемидор, 1999, с. 103]. Ссора — это то, чем наполнены и беседы покойников в видении на кладбище (они постоянно оскорбляют и пытаются унизить, побольнее уколоть друг друга), и жизнь самого литератора-визионера Ивана Иваныча, бывшего не в ладах даже с семьей своего родственника, на похороны которого он хоть и пожаловал, но при этом из чувства обиды демонстративно не поехал на литию (в данном случае — церковную службу об упокоении души недавно умершего).

Дурные ветры (иначе — *нечистый дух*), спровоцированные «бобком», проявляются в тексте рассказа Достоевского на разных уровнях. Сперва герой, блуждающий по кладбищу, восклицает: «Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43]. Затем уже сами мертвецы выясняют, от кого из них исходит наиболее нестерпимый и тяжелый дух, и кто сильнее

остальных разложился. Наконец Лебезятников проясняет Клиневичу природу этой нестерпимой вони:

«— Довольно глупо. Ну а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь?

— Это... хе-хе... Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении...

— Довольно, и далее, я уверен, всё вздор. Главное, два или три месяца жизни и в конце концов — бобок» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 51].

Итак, бобок — это, помимо прочего, еще и финал разложения, когда потухает последняя искра жизни, и тени покидают «чистилище», превращенное ими в юдоль бесстыдства. В средневековом соннике Даниила (по Оксфордской рукописи XV–XVI веков) сообщается, что «Иметь дело с бобами — к расчетам» [Кухня ведьм, 2009, с. 321]. Мертвецы у Достоевского собственно этим и занимаются:

«— Так зачем вы сюда легли?

— Положили меня, положили супруга и малые детки, а не сам я возлег. Смерти таинство! И не лег бы я подле вас ни за что, ни за какое злато; а лежу по собственному капиталу, судя по цене-с. Ибо это мы всегда можем, чтобы за могилку нашу по третьему разряду внести.

— Накопил; людей обсчитывал?

— Чем вас обсчитаешь-то, коли с января почитай никакой вашей уплаты к нам не было. Счетец на вас в лавке имеется.

— Ну уж это глупо; здесь, по-моему, долги разыскивать очень глупо! Ступайте наверх. Спрашивайте у племянницы; она наследница.

— Да уж где теперь спрашивать и куда пойдешь. Оба достигли предела и пред судом Божиим во гресех равны» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 45].

Но главный «расчет» — это, конечно, не выяснение того, кто, кому и сколько должен денег, а предстание перед Высшим судом Творца. Недаром мертвецы называют свое пристанище «долиной Иосафатовой» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 47]. На основании слов из книги пророка Иоиля: «Я [Господь] соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата и там произведу над ними суд»

(Иоиль 3, 2), иудеи, мусульмане и некоторые из христиан полагают, что долина Иосафатова будет местом последнего Страшного Суда над народами. В евангельском же смысле наказанию будут подвержены не столько обычные должники, сколько те из них, которые жестокосердно не прощали собственным должникам.

Хотя Достоевский просил не отождествлять себя с автором «Записок» о бобке, однако же, рассказ наполнен деталями, которые присутствуют в его более ранних произведениях: Семен Ардальонович, упрекающий писателя Иван Иваныча в пьянстве, отсылает к опустившемуся пьянице и сочинителю разных небылиц, генералу Ардалиону Иволгину из романа «Идиот». Чиновник Семен Евсеич Лебезятников, рассказывающий об идеях философа-естественника Платона Николаевича, напоминает о «служащем в министерстве» Андрее Семеновиче Лебезятникове, прогрессисте из «Преступления и наказания», который «снабжает» Соню «Физиологией» Льюиса и проповедует социалистические идеи общества будущего, устроенного на новых началах и отвергающего идею Бога за полной ненадобностью. «Симметрические бородавки» героя-литератора — деталь из записных книжек к «Бесам», связанная там с внешностью Петра Верховенского. Даже мимоходом брошенная фраза: «К. с ума сошел, значит, теперь мы умные» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43], — может отсылать к спятившему князю К. из «Дядюшкиного сна» и т.д.

Конечно, все эти мертвецы — лишь теневые порождения героев Достоевского, а не их копии или двойники. Но автобиографический след в этом рассказе несомненен. Даже главный герой «Бобка» назван тем же именем — Иван, что и герой-писатель в «Униженных и оскорбленных», в образе которого Достоевский запечатлел ряд моментов своей писательской карьеры середины 1840-х годов (в журнальном варианте «Униженные и оскорбленные» имели подзаголовок «Из записок неудавшегося литератора»).

Считается также, что в «Бобке» Достоевский спародировал «эротический» роман П.Д. Боборыкина (1836–1921) «Жертва вечерняя» (1868), второе издание которого появилось в 1872 году. Комментаторы полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах отмечают, что уже в начале 1870-х годов внимание писателя привлек один из псевдонимов Боборыкина — «Боб», переделанный В.П. Бурениным в «Пьера Бобо» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 404]. Кроме того, рассказ «Бобок» содержал ответ и на опубли-

кованную в газете «Голос» (1873, 14 января, №14) заметку Л.К. Панютина (1831–1882; псевдоним «Нил Адмирари»)[9], в которой говорилось: «"Дневник писателя" <…> напоминает известные записки, оканчивающиеся восклицанием: "А все-таки у алжирского бея на носу шишка!" Довольно взглянуть на портрет автора "Дневника писателя", выставленный в настоящее время в Академии художеств (имеется в виду известный портрет работы В.Г. Перова — *прим.*), чтобы почувствовать к г-ну Достоевскому ту самую "жалостливость", над которою он так некстати глумится в своем журнале. Это портрет человека, истомленного тяжким недугом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 402].

Герой-литератор «Бобка» так отвечает на эту инвективу: «Я не обижаюсь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: "Все-таки ты, говорит, литератор". Я дался, он и выставил. Читаю: "Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо". Оно пусть, но ведь как же, однако, так прямо в печати? В печати надо всё благородное; идеалов надо, а тут...» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 41–42]. Заканчивается рассказ почти прямым упоминанием портрета Достоевского: «Снесу в "Гражданин", там одного редактора портрет тоже выставили» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 54]. Эти и ряд других занимательных подробностей самого внешнего, остропублицистического слоя «Бобка», тем не менее, никак не определяют художественную значимость и не отменяют мистическую глубину этого сочинения, которое уже полтора века потрясает даже весьма искушенных читателей.

К примеру, проницательный Андрей Белый (1880–1934) также не верил заявлению Достоевского, что автор «Бобка» — другое лицо. Поэт-символист называл этот рассказ «ужасным» и видел в нем «совершеннейший цинизм», «замерзшую гримасу истерики», «бес-

[9] М.Р. Хамитов отмечает, что «у самого Панютина, наиболее ожесточенного оппонента Достоевского, один из выпусков "Листка" — его специальной фельетонной рубрики в газете "Голос" — называется **"В царстве мертвых".** В этом фельетоне Панютин использует метафору "мертвого царства" для описания людей, по выражению автора, "забытых смертью", — физически и морально безнадежно устаревших консерваторов, отчаянно держащихся за ушедшую эпоху. Примечательно, что композиционно и сюжетно история Панютина напоминает "Бобок": писатель-фельетонист случайно подслушивает разговор группы людей, именуемых им "живыми мертвецами", и центральную часть фельетона занимает именно подробно переданная беседа этих "мертвецов"» [Хамитов, 2016, с. 34–35]. При этом совершенно очевидно, что рассказ Достоевского имеет глубину, несопоставимую с такого рода сатирическими фельетонами.

стыдство» и «свинство, в котором нет ни черточки художественности». По его словам, «если возможна кара за то, что автор выпускает в свет, то “Бобок”, один “Бобок” можно противопоставить каторге Достоевского; да, Достоевский каторжник, потому что он написал “Бобок”» [Андрей Белый, 1994, с. 407–408].

Конечно, Андрей Белый был несправедлив и неточен в своей оценке, не поняв корневой замысел «Бобка». Что же касается обвинений Достоевского в глумлении над всем святым, то нельзя не учитывать особенности его творческого метода, согласно которому на действительно глубокое изображение вещей художник может выйти только тогда, когда не ставит сам себе никаких искусственных ограничений на пути познания человеческой души во всех ее искривлениях. Симптоматично, что эпитафия на могиле одного из мертвецов «Бобка», генерал-майора Первоедова — «Покойся, милый прах, до радостного утра!» — в точности повторяет реальную эпитафию, высеченную в 1837 году на могиле матери Ф.М. Достоевского, которую он очень любил (эта же эпитафия ранее была обыграна писателем в романе «Идиот» [Подосокорский, 2009, с. 53]).

Разговоры мертвецов в «Бобке» — невероятно впечатляющее и пронзительное напоминание писателя современникам, полагающим, что никакой жизни после смерти не существует, — о том, что и за гробом есть жизнь, но она полностью зависит от того, во что себя превратил человек при своем земном существовании. Как отмечает Достоевский в своей записной книжке 1863–1864 годов: «Человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 173]. По убеждению писателя, «Всё зависит от того: принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, то есть от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки. Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого *я*? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, <с. 49> так и нравственно оставляет память свою людям (NB. *Пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), то есть входит частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества. Мы наглядно видим, что память великих развивателей человека живет между людьми (равно как и злодеев развитие), и даже для человека величайшее счастье походить на них. Значит, часть этих натур вхо-

дит и плотью и одушевленно в других людей, Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в *я* Христа как в свой идеал» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 174].

В исследовательской литературе кладбищенское пространство «Бобка» не раз соотносили с чистилищем. А.П. Власкин отмечает: «Автор предпринимает художественный эксперимент: его персонажи получают возможность побывать после смерти в своеобразном “чистилище” и, быть может, трезво оценить прожитую “наверху” жизнь. Им предоставлена полная, но временная “свобода” — как от законов физиологии, так и от религиозных предначертаний. В результате же они используют эту возможность не для раскаяния и очищения от “земной грязи”, а напротив — для окончательного освобождения от каких бы то ни было нравственных норм» [Власкин, 2008, с. 32]. В самом слове «бобок», как полагает Власкин, «можно услышать звук пустеющего сосуда при сливе его содержимого. Из персонажей рассказа, из их души уходит содержание, изливается все, что накопилось за прожитую жизнь. И накопилась только грязь, а в конце звучит только бобок — никакого прекрасного, выстраданного, последнего человеческого Слова» [Власкин, 2008, с. 32–33].

Сами же покойники называют свои разговоры «мытарствами»: «Матушка, Авдотья Игнатьевна, — возопил вдруг опять лавочник, — барынька ты моя, скажи ты мне, зла не помня, что ж я по мытарствам это хожу, али что иное деется?..» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 46]; «Ох-хо-хо! воистину душа по мытарствам ходит! — раздался было голос простолюдина, и...» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 53]. Мытарствами в православной традиции называют препятствия (испытания) в загробной жизни, через которые проходит душа каждого умершего человека на своем пути к Богу. Наиболее известным рассказом о посмертных мытарствах является «Житие преподобного Василия Нового», описывающее видение его ученика, преподобного Григория, о мытарствах блаженной Феодоры. Оно было хорошо известно еще в Древней Руси [Из «Жития Василия Нового», 2003]. Согласно этому свидетельству, существует двадцать мытарств, из которых мертвецы «Бобка» умудряются провалить практически все: мытарство празднословия, мытарство лжи, мытарство осуждения и клеветы, мытарство зависти, мытарство воровства, мытарство гордости, мытарство гнева и ярости, мытарство блуда, мытарство немилосердия и жестокосердия и проч.

Особенного внимания в связи с «Бобком» заслуживает мытарство чародейства, обаяния, призывания бесов. Пробудившиеся покойники в ходе загробных бесед то и дело поминают чёрта, и при этом сами постепенно превращаются в чертей. Чёрта призывает повествователь-сновидец: «Впрочем, **чёрт**.., и что я с своим умом развозился: брюзжу, брюзжу» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 43]; о чёрте вспоминают, когда речь заходит о генерале Первоедове: «Гм, **чёрт**, в самом деле генерал!» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 45]. Появляется он и в дальнейших разговорах живых мертвецов: «Впрочем, **чёрт** с ними, но только нас соберется своя кучка и у нас всё само собою устроится. <...> **Чёрт** возьми, ведь значит же что-нибудь могила!» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 52].

Новоиспеченные «бесы» заняты, как и подобает голодным духам, пожиранием чувственных остатков друг друга, и даже бравируют своей плотоядностью: «Признаюсь, удивился и я; впрочем, некоторые из проснувшихся были схоронены еще третьего дня, как, например, одна молоденькая очень девица, лет шестнадцати, но всё хихикавшая... мерзко и **плотоядно** хихикавшая» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 48]; «Какую?.. Какую Катишь? — **плотоядно** задрожал голос старца» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 50]; «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из **плотоядных**. Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 52]. Кроме того, они беспрестанно обвиняют друг друга в различных прегрешениях: блуде, воровстве, лжи и проч.

Схожим образом описывает поведение темных духов, пытавшихся погубить ее душу после смерти, святая Феодора: «Их же видение толь люто, яко сама геенна огненная: тии начаша творити молву и мятеж, овии ревущее яко скоты и звери, инии яко псы лающе, инии выюще яко волцы, инии яко свинии вопиюще, вси же взирающе на мя яряхуся, грозяху, устремляхуся зубы скрежещуще, и пожрети мя абие хотяще: готовяху же хартии аки бы чающее судию некоего приити тамо, и свитки развиваху, в них же написана быша вся злая моя дела: тогда убога душа моя бысть в страсе и трепете велицем» [Живописное изображение, 1843, с. 7–8]

Рассказ Достоевского побуждает переосмыслить традиционное понимание мытарств как испытаний и устрашения грешников без-

личными бесами. В «Бобке» наглядно показано, что закоренелые в своих страстях люди сами вполне могут выступать по отношению друг к другу в роли жутких, жестоких, глумливых и обличающих «бесов», так что им для общей погибели вовсе не нужны козни иной нечистой силы, кроме них самих.

Современниками Достоевского «Бобок» был либо не понят, либо проигнорирован. Как отмечает А.В. Петрова, этот рассказ «представлял собой нечто контрастное статьям социальной тематики и переключал фокус читательского внимания с событий текущего момента на вопросы вневременного и вечного. Именно “Бобок” дал основание публицисту и критику В.П. Буренину (псевдоним «Z») причислить весь «Дневник писателя» 1873 года к «мистицизму» [Z, 1874, 5 января, с. 2]» [Петрова, 2020, с. 139].

На самом деле, «вневременного и вечного» Достоевский касался почти во всех текстах своей рубрики. К примеру, в предшествующей «Бобку» статье «Влас» он рассказывает о «мистическом ужасе, самой огромной силе над душой человеческой» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 38], замыслившей сделать невиданную дерзость (расстрелять из ружья собственное причастие). Хотя, конечно, в «Бобке» этот «мистический ужас» особенно сгущен и концентрирован. «Записки одного лица» напоминают запись уникального духовного опыта сродни трактатам шведского ученого-духовидца Эммануила Сведенборга (1688–1772), которого Достоевский читал и высоко ценил [О влиянии Сведенборга на этот рассказ см.: Тихомиров, 2016, с. 105–119].

Описание загробного мира в «Бобке» повлияло на ряд писателей XX века, которые отталкивались от его идей и образов в своих художественных произведениях и публицистике: Д.С. Мережковского и Ф.К. Сологуба [Туниманов, 1997, с. 176–179], Андрея Белого [Шатин, 2022, с. 218], Г.В. Иванова [Лопачева, 2012, с. 201–202], Ю.В. Мамлеева [Семыкина, 2006] и др. Однако эти авторы больше использовали «Бобок» как источник для собственного вдохновения или как объект (а порой и как инструмент, если речь шла об их полемике с современниками) для нападок, чем как самоценное произведение, заслуживающее глубокого изучения и понимания.

Так в чем же заключается тайна «Бобка», которую обнаруживает незадачливый литератор Иван Иваныч на кладбище, *похожем* на кладбище? Писатель сам сделал все, чтобы эти «записки» о потусторонней жизни, стали для одних подлинным духовным откровением,

а для других — так и остались «мистическим бредом». Можно ли вообще сколь-либо доверять свидетельству героя, который, если верить упреку в его адрес со стороны Семена Ардальоновича, и трезв-то бывает не часто; которого к тому же называют «близким к помешательству лицом»; который, наконец, лег на кладбище после посещения ресторана, где он «закусил и выпил», и забылся, то есть попросту заснул, и что-то странное в этом состоянии «услышал». Не слишком ли много оснований было допущено автором записок (а автор и главный герой здесь — одно лицо!), чтобы его абсолютно точно не восприняли всерьез? Ведь для того, чтобы высмеять записанный им опыт, хватило бы даже одного из них. Но мы знаем, что у Достоевского нередко самые глубокие истины открывают наиболее слабые, падшие, *смешные* люди, стоящие на социальном дне и на грани или за гранью нравственного падения. Все это, однако, совсем не повод, чтобы не воспринимать иные их откровения всерьез.

Достоевский прекрасно понимал, что высказываемые им мысли заведомо будут отринуты и осмеяны значительной частью читателей, и потому осознанно использовал принцип иносказания и допущения, как это нередко делал и Христос в Евангелии. Характерно, что библейская притча о богаче и Лазаре также завершается утверждением, что поверить в истинную загробную жизнь способны немногие. Попавший в ад богач просит рассказать через Лазаря, отнесенного ангелами на лоно Авраамово, своим живым родственникам о том, что ждет нечестивых и добродетельных людей в их посмертии, но получает на это жесткую отповедь: «Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16, 27–31).

Литератор Иван Иваныч провозглашает, что узнать нечто подлинно глубокое о мире можно лишь будучи открытым новому опыту, то есть сознавая свою недостаточную развитость, а подчас и глупость, слабость, неуспешность в иных вещах: «То-то, свести-то с ума у нас сведут, а умней-то еще никого не сделали. Всех умней, по-моему, тот, кто хоть раз в месяц самого себя дураком назовет, — способность ныне неслыханная! Прежде, по крайности,

дурак хоть раз в год знал про себя, что он дурак, ну а теперь ни-ни. И до того замешали дела, что дурака от умного не отличишь. Это они нарочно сделали» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 42]. Или: «Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признано за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 44].

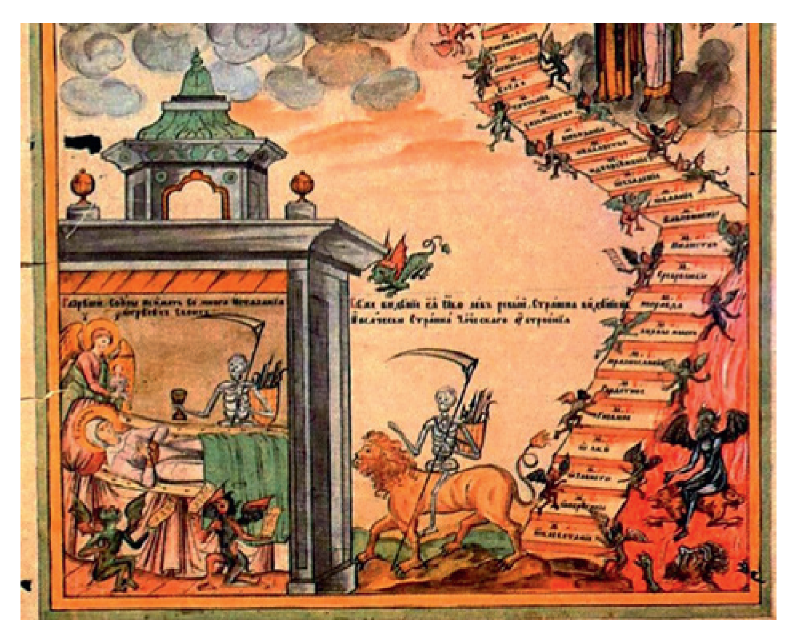
Самого Достоевского и до сих пор некоторые интеллектуалы-прогрессисты вслед за нигилистами XIX века обвиняют в том, что он «плохой стилист», «профанирует высокое», «шокирует низким», «глумится над священным», погружается в такие бездны человеческой души, в которые бы лучше вообще не заглядывать для сохранения своего психического здоровья и нормальной жизни, см.: [Касаткина, 2023]. Но Достоевский писал не про нормы, обеспечивающие самоуспокоение, а про устремленность к жизни вечной, к которой можно прийти, лишь преодолев себя в своих иллюзиях и заблуждениях (мнимых силе, уме, благополучии) и не соскользнув при этом в «разврат последних упований». Характерно, что почти никто из мертвецов в рассказе, которым вообще-то подарены «последние мгновения сознания» до их полного разложения, даже и не подумал обратиться с молитвой к Богу — Его место для них прочно занял Бобок. Как резюмировал митрополит Антоний (Храповицкий) (1863–1936) смысл этого рассказа: «Читатель, вероятно, понимает, что здесь раскрыта нераскаянность грешников и их ожесточенность в зле» [Антоний, митр., 1965, с. 211].

Илл. 1. Изображение мытарств на новгородской иконе «Страшный суд» (фрагмент). XV век. Государственная Третьяковская галерея.
Fig. 1. A depiction of the aerial toll houses on a Novgorod icon of the Last Judgement (detail). 15th century. Tretyakov Gallery.

Илл. 2. Философ Пифагор отвращается от бобовых. Акварель XVI век.
Fig. 2. *The philosopher Pythagoras turns away from legumes*. 16th century. Watercolour.

Илл. 3. «Смерть святой Феодоры и видения мытарств души» (фрагмент).
Лубок, XIX век.
Fig. 3. The death of St. Theodora and the vision of the aerial toll houses (detail).
Lubok, 19th century.

Илл. 4. «Мытарства или воздушные бесовские стражи» (фрагмент иконы).
Киево-Печерская Лавра.
Fig. 4. The Toll Houses, or Aerial Demonic Guards (icon, detail). Kyiv Monastery of the Caves.

Список литературы

1. Английские народные сказки, 1957 — Английские народные сказки / сост. и пер. Н. Шерешевской; под ред. М. Клягиной-Кондратьевой. М.: Худож. лит., 1957. 207 с.

2. Андрей Белый, 1994 — *Андрей Белый.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1 / вступ. ст., сост. А.Л. Казин, коммент. А.Л. Казин, Н.В. Кудряшева. С. 392–421.

3. Антоний, митр., 1965 — *Антоний [Храповицкий], митр.* Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения. Посмертное издание под редакцией и с предисловием архиепископа Никона (Рклицкого). Монреаль: Изд. Северо-американской и канадской епархии, 1965. 311 с.

4. Артемидор, 1999 — *Артемидор.* Сонник / сост., общ. ред. Р.Б. Грищенкова. СПб.: Кристалл, 1999. 448 с.

5. Афонасин, 2017 — *Афонасин Е., Афонасина А., Щетников А.* Пифагорейская традиция. СПб.: Изд-во РХГА: Пальмира, 2017. 749 с.

6. Бахтин, 2002 — *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6 / ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили. 799 с.

7. Богданов, 2001 — *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб: Искусство–СПБ, 2001. 438 с.

8. Владимирцев, 2008 — *Владимирцев В.П.* Бобок // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 33–34.

9. Власкин, 2008 — *Власкин А.П.* Бобок // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 31–33.

10. Вольтер, 1988 — *Вольтер.* Философские сочинения / пер. с франц. С.Я. Шейман-Топштейн; отв. ред., сост., автор вступ. ст. В.Н. Кузнецов. М.: Наука, 1988. 752 с.

11. Гаврилова, 2020 — *Гаврилова Л.А.* «Бобок» Ф.М. Достоевского: проблема жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 16–24.

12. Даль, 1832 — [*Даль В.И.*] Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1832. Пяток первый. 201 с.

13. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

14. Дюмезиль, 2018 — *Дюмезиль Ж.* Религия древнего Рима / пер. с франц. Т.И. Смолянской; под ред. Ф.А. Пирвица и Т.Г. Сидаша; при участии А.Е. Гудзь; пер. с латинского. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2018. 896 с.

15. Живописное изображение, 1843 — Живописное изображение и описание о святой Феодоре, как проходила она двадцать воздушных мытарств, и возвестила о том в сонном видении, ученику преп. Василия Нового, Григорию: Взято из Жития преп. Василия Нового. Марта 26 дня. М.: Университетская тип., 1843. 49 с.

16. Жреческие коллегии, 2001 — Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Наука, 2001. 328 с.

17. Зелинский, 2016 – *Зелинский Ф.Ф.* История античных религий: в 6 т. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2016. Т. 4 / пер. с польского И.Г. Бея; под ред. Т.Г. Сидаша и С.Д. Сапожниковой. 864 с.

18. Из «Жития Василия Нового», 2003 – Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам / подгот. текста Ю.А. Грибова и А.В. Пигина; пер. М.Б. Михайловой и В.В. Семакова; коммент. А.В. Пигина // Библиотека литературы древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. С. 494–527.

19. Касаткина, 2019 – *Касаткина Т.А.* Шиллер у Достоевского: Элевсинские мистерии в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 68–89. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-68-89

20. Касаткина, 2023 – *Касаткина Т.А.* Как и зачем читать Достоевского? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 27–37.

21. Кереньи, 2000 – *Кереньи К.* Элевсин: Архитепический образ матери и дочери / пер. с англ. М.: Рефл-бук, 2000. 288 с.

22. Кухня ведьм, 2009 – Кухня ведьм: Полезные тайны / пер. с лат. Д. Захаровой и Е. Ванеевой. СПб.: Азбука-классика, 2009. 448 с.

23. Лопачева, 2012 – *Лопачева М.К.* «Бобок будет сериозный…» (Достоевский в художественном мире Георгия Иванова) // Русская литература. 2012. № 3. С. 191–204.

24. Лукиан, 1962 – *Лукиан из Самосаты.* Избранное / пер. с древнегреческого. М.: Худож. лит., 1962. 516 с.

25. Магарил-Ильяева, 2021 – *Магарил-Ильяева Т.Г.* Комедия Вольтера «Блудный сын» в романе Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 16–38. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-16-38

26. Мифы народов мира, 2000 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000.

27. Петрова, 2020 – *Петрова А.В.* Ф.М. Достоевский – автор «Дневника писателя» в откликах газетной периодики 1873–1874 гг. (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 134–157. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-134-157

28. Подосокорский, 2009 – *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2009. 176 с.

29. Подосокорский, 2019 – *Подосокорский Н.Н.* Призраки «Белых ночей»: масон в паутине посмертия, майская утопленница и дух царя Соломона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 88–116. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-134-157

30. Подосокорский, 2022 – *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89 –143. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

31. Сахаров, 2013 – *Сахаров И.П.* Сказания русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. I. 800 с.

32. Свенцицкая, 2013 – *Свенцицкая Э.М.* Своеобразие художественности малой прозы Ф.М. Достоевского (на материале рассказа «Бобок» и повести «Кроткая») // Литерату-

роведческий сборник. 2013. № 51–52. С. 121–133.

33. Семыкина, 2006 — *Семыкина Р.С.-И.* Метафизика кладбища в творчестве Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева // Филология и человек. 2006. № 1. С. 51–60.

34. Славянские древности, 1995–2012 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

35. Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б.Н.* Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // Неизвестный Достоевский. 2016. № 3. С. 92–127.

36. Терещенко, 1848 — *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1848. Часть VI. 221 с.

37. Туниманов, 1997 — *Туниманов В.А.* Портрет с бородавками («Бобок») и вопрос о «реализме» в искусстве // Достоевский. Материалы и исследования. 1997. Т. 14. С. 171–179.

38. Фрейденберг, 1997 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра / подгот текста и общ. ред. Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

39. Хамитов, 2016 — *Хамитов М.Р.* Разговоры в царстве мёртвых: «Бобок» Ф.М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. 2016. Т. 21. С. 29–43.

40. Циркин, 2000 — *Циркин Ю.Б.* Мифы Древнего Рима. М.: Астрель: АСТ, 2000. 560 с.

41. Шатин, 2022 — *Шатин Ю.В.* «Бобок» Достоевского: художественный феномен в системе целого // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 216–227. https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-216-227

42. Шульц, 2013 — *Шульц С.А.* Жанровая традиция «диалогов мертвых» в рассказе Достоевского «Бобок» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 5. С. 26–30.

43. Эккартсгаузен, 1821 — *Эккартсгаузен К.* Ключ к таинствам натуры. СПб.: Морская тип., 1821. Ч. II. 360 с.

References

1. Shereshevskaia, N., and Kliagina-Kondrat’eva, M., eds. *Angliiskie narodnye skazki* [*English Folk Tales*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1957. 207 p. (In Russ.)

2. Andrei Belyi. “Tragediia tvorchestva. Dostoevskii i Tolstoi” [“The Tragedy of Art. Dostoevsky and Tolstoy”]. *Kritika. Estetika. Teoriia simbolizma: v 2 tomakh* [*Critics. Esthetics. Theory of Symbolism: in 2 vols*], vol. 1. Intro. and comp. by A.L. Kazin; comm. by A.L. Kazin and N.V. Kudriasheva. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 392–421. (In Russ.)

3. Antonii [Khrapovitskii], mitr. *F.M. Dostoevskii kak propovednik vozrozhdeniia* [*Dostoevsky as a Prophet of Re-Birth*]. Posthumus edition edited and prefaced by Archbishop Nikon (Rklitsky). Monreal, Izd. Severo-amerikanskoi i kanadskoi eparkhii Publ., 1965. 311 p. (In Russ.)

4. Artemidorus. *Sonnik* [*Oneirokritikon*]. Comp., ed. by R.B. Grishchenkov. St. Petersburg, Kristall Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)

5. Afonasin, E., Afonasina, A., and Shchetnikov, A. *Pifagoreiskaia traditsiia* [*The Pythagorean Tradition*]. St. Petersburg, RKhGA Publ., Pal’mira Publ., 2017. 749 p. (In Russ.)

6. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [*Collected Works: in 7 vols*], vol. 6. Ed. by S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2002. 799 p. (In Russ.)

7. Bogdanov, K.A. *Povsednevnost' i mifologiia: Issledovaniia po semiotike fol'klornoi deistvitel'nosti* [*Everyday Life and Mythology: Research on the Semiotics of Folklore*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2001. 438 p. (In Russ.)

8. Vladimirtsev, V.P. "Bobok" ["Bobok"]. Shchennikov, G.K., and Tikhomirov, B.N., eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: A Reference Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 33–34. (In Russ.)

9. Vlaskin, A.P. "Bobok" ["Bobok"]. Shchennikov, G.K., and Tikhomirov, B.N., eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: A Reference Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 31–33. (In Russ.)

10. Voltaire. *Filosofskie sochineniia* [*Philosophical Works*]. Trans. from French by S.Ia. Sheiman-Topshtein; ed., comp., prefaced by V.N. Kuznetsov. Moscow, Nauka Publ., 1988. 752 p. (In Russ.)

11. Gavrilova, L.A. "'Bobok' F.M. Dostoevskogo: problema zhanra" ["Dostoevsky's 'Bobok': The Problem of Genre"]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, no. 4 (23), 2020, pp. 16–24. (In Russ.)

12. [Dal', V.I.] *Russkie skazki, iz predaniia narodnogo izustnogo na gramotu grazhdanskuiu perelozhennye, k bytu zhiteiskomu prinorovlennye i pogovorkami khodiachimi razukrashennye Kazakom Vladimirom Luganskim* [*Russian Tales, Translated from the Oral Tradition into Civil Writing, Adjusted to the Worldly Life and Embellished with Popular Sayings by Cossack Vladimir Lugansky*]. St. Petersburg, Tip. A. Pliushara Publ., 1832. 201 p. (In Russ.)

13. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

14. Dumézil, G. *Religiia drevnego Rima* [*Archaic Roman Religion*]. Trans. from French by T.I. Smolianskaya; ed. by F.A. Pirvits and T.G. Sidash; trans. from Latin by A.E. Gudz'. St. Petersburg, Kvadrivium Publ., 2018. 896 p. (In Russ.)

15. *Zhivopisnoe izobrazhenie i opisanie o sviatoi Feodore, kak prokhodila ona dvadtsat' vozdushnykh mytarstv, i vosvestila o tom v sonnom videnii, ucheniku prep. Vasiliia Novogo, Grigoriiu: Vziato iz Zhitiia prep. Vasiliia Novogo. Marta 26 dnia* [*A Pictorial Image and Description of Saint Theodora, How She Passed through Twenty Aerial Toll Houses, and Announced it in a Dream Vision to Gregory, Disciple of St. Basil the Younger: Taken from the Life of St. Basil the Younger. March, 26th*]. Moscow, Universitetskaia tip. Publ., 1843. 49 p. (In Russ.)

16. Kofanov, L.L., editor. *Zhrecheskie kollegii v Rannem Rime. K voprosu o stanovlenii rimskogo sakral'nogo i publichnogo prava* [*The Priestly Collegiums in Early Rome. On the Formation of Roman Sacred and Public Law*]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 328 p. (In Russ.)

17. Zelinskii, F.F. *Istoriia antichnykh religii: v 6 tomakh* [*History of the Ancient Religions: in 6 vols*], vol. 4. Trans. from Polish by I.G. Bei; ed. by T.G. Sidash and S.D. Sapozhnikova. St. Petersburg, Kvadrivium Publ., 2016. 864 p. (In Russ.)

18. "Iz 'Zhitiia Vasiliia Novogo'. Khozhdenie Feodory po vozdushnym mytarstvam" ["From the 'Life of Basil the Younger.' The Passing of Theodora through the Aerial Toll Houses"]. Comp. by Iu.A. Gribov and A.V. Pigin; trans. by M.B. Mikhailova and V.V. Semakov; comm. by A.V. Pigin. *Biblioteka literatury drevnei Rusi: v 20 tomakh* [*A Library of Ancient Russian Literature: in 20 vols*], vol. 8: XIV – pervaia polovina XVI veka [14th – First Half of the 16th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 494–527. (In Russ.)

19. Kasatkina, T.A. “Shiller u Dostoevskogo: Elevsinskie misterii v ‘Brat’iakh Karamazovykh’” [“Schiller in Dostoevsky’s Works: Eleusinian Mysteries in *The Brothers Karamazov*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (8), 2019, pp. 68–89. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-68-89

20. Kasatkina, T.A. “Kak i zachem chitat’ Dostoevskogo?” [“How and Why Read Dostoevsky?”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (21), 2023, pp. 27–37. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37

21. Kerényi, K. *Elevzin: Arkhitepicheskii obraz materi i docheri* [*Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter*]. Trans. from English. Moscow, Refl-buk Publ., 2000. 288 p. (In Russ.)

22. *Kukhnia ved’m: Poleznye tainy* [*The Kitchen of the Witches: Useful Misteries*]. Trans. from Latin by D. Zakharova and E. Vaneeva. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009. 488 p. (In Russ.)

23. Lopacheva, M.K. “‘Bobok budet serioznyi...’ (Dostoevskii v khudozhestvennom mire Georgiia Ivanova)” [“‘Bobok Will be Serious...’ (Dostoevsky in the Artistic World of Georgy Ivanov)”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2012, pp. 191–204. (In Russ.)

24. Lucian of Samosata. *Izbrannoe* [*Selected Works*]. Trans. from Ancient Greek. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1962. 516 p. (In Russ.)

25. Magaril-Il’iaeva, T.G. “Komediia Vol’tera ‘Bludnyi syn’ v romane Dostoevskogo ‘Podrostok’” [“Voltaire’s Comedy *The Prodigal Son* in Dostoevsky’s Novel *The Adolescent*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (15), 2021, pp. 16–38. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-16-38

26. Tokarev, S.A., editor. *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 tomakh* [*Myths from the People of the World. Encyclopedia: in 2 vols*]. 2nd Edition. Moscow, Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2000. (In Russ.)

27. Petrova, A.V. “F.M. Dostoevskii — avtor ‘Dnevnika pisatelia’ v otklikakh gazetnoi periodiki 1873–1874 gg. (po materialam rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo muzeia istorii rossiiskoi literatury imeni V.I. Dalia)” [“Fyodor Dostoevsky, Author of *A Writer’s Diary* in the Reactions of Periodicals in 1873–1874 (Based on the Materials of the Manuscript Department at the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (12), 2020, pp. 134–157. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-134-157

28. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [*The Theme of Napoleon in Fyodor Dostoevsky’s Novel* The Idiot*: PhD Dissertation*]. Velikii Novgorod, 2009. 176 p. (In Russ.)

29. Podosokorskii, N.N. “Prizraki ‘Belykh nochei’: mason v pautine posmertiia, maiskaia utoplennitsa i dukh tsaria Solomona” [“Ghosts of *White Nights*: A Freemason in the Net of Afterlife, The Maiden Drowned in May and the King Solomon’s Spirit”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (7), 2019, pp. 88–116. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-3-88-116

30. Podosokorskii, N.N. “Religioznyi aspect napoleonovskogo mifa v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’: obraz ‘Napoleona-proroka’ i misticheskie sekty russkikh raskol’nikov-pochitatelei Napoleona” [“The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of ‘Napoleon-Prophet’ and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of

Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

31. Sakharov, I.P. *Skazaniia russkogo naroda* [*Tales of Russian People*], vol. 1. Ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2013. 800 p. (In Russ.)

32. Sventsitskaia, E.M. "Svoeobrazie khudozhestvennosti maloi prozy F.M. Dostoevskogo (na materiale rasskaza 'Bobok' i povesti 'Krotkaia')" ["The Peculiarities of Fyodor Dostoevsky's Short Works in Prose (Based on the Tale 'Bobok' and the Short Story 'A Gentle Creature')"]. *Literaturavedcheskii sbornik*, no. 51–52, 2013, pp. 121–133. (In Russ.)

33. Semykina, R.S.-I. "Metafizika kladbishcha v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i V.Iu. Mamleeva" ["The Metaphysic of Cemetery in the Works of F.M. Dostoevsky and Yu.V. Mamleev"]. *Filologiia i chelovek*, no. 1, 2006, pp. 51–60. (In Russ.)

34. Tolstoi, N.I., editor. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5 tomakh* [*Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012. (In Russ.)

35. Tikhomirov, B.N. "Dostoevskii i traktat E. Svedenborga 'O nebesakh, o mire dukhov i ob ade'" [Dostoevsky and Emanuel Swedenborg's book *Heaven and Hell*"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no. 3, 2016, pp. 92–127. (In Russ.)

36. Tereshchenko, A. *Byt russkogo naroda* [*Everyday Life of Russian People*], part IV. St. Petersburg, Tip. Voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1848. 221 p. (In Russ.)

37. Tunimanov, V.A. "Portret s borodavkami ('Bobok') i vopros o 'realizme' v iskusstve" ["A Portrait with Warts ('Bobok') and the Question on 'Realism' in Art"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 14, 1997, pp. 171–179. (In Russ.)

38. Freidenberg, O.M. *Poetika siuzheta i zhanra* [*Poetics of Plot and Genre*]. Ed. by N.V. Braginskaia. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. (In Russ.)

39. Khamitov, M.P. "Razgovory v tsarstve mertvykh: 'Bobok' F.M. Dostoevskogo" ["Discussion in the Realm of the Dead: 'Bobok' by Fyodor Dostoevsky"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 21, 2016, pp. 29–43. (In Russ.)

40. Tsirkin, Iu.B. *Mify Drevnego Rima* [*Myths of Ancient Rome*]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)

41. Shatin, Iu.V. "'Bobok' Dostoevskogo: khudozhestvennyi fenomen v sisteme tselovo" ["'Bobok' of Dostoevsky: An Artistic Phenomenon in the System of the Whole"]. *Kritika i semiotika*, no. 1, 2022, pp. 216–227. (In Russ.) https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-216-227

42. Shul'ts, S.A. "Zhanrovaia traditsiia 'dialogov mertvykh' v rasskaze Dostoevskogo 'Bobok'" ["The Tradition of the Genre 'Dialogues of the Dead" in Dostoevsky's Tale 'Bobok'"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 72, no. 5, 2013, pp. 26–30. (In Russ.)

43. Eckartshausen, K. *Kliuch k tainstvam natury* [*The Key to the Mysteries of Nature*], part II. St. Petersburg, Morskaia tip., 1821. 360 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.02.2023
Одобрена после рецензирования: 15.02.2023
Принята к публикации: 19.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 05 Feb. 2023
Approved after reviewing: 15 Feb. 2023
Accepted for publication: 19 Feb. 2023
Date of publication: 25 March 2023